

УДК 81-115

Редкозубова А.Н.

Московский государственный областной университет

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КВАЗИТЕКСТА
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
«АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» Л. КЭРРОЛЛА)***

A. Redkozubova

Moscow State Regional University

**THE DIFFICULTY OF QUASITEXT TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN
(ON THE MATERIAL OF «ALICE IN WONDERLAND» BY L. CARROLL)**

Аннотация. В статье анализируется перевод квазитекста на материале произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». Квазитекст возникает при нарушении определенных типов связей в тексте: логических, грамматических, лексических. Квазитекст предстает переводческой проблемой, поскольку задача переводчика состоит не только в том, чтобы максимально близко передать слова автора, но и транслировать сообщение, задуманное автором. В статье рассматриваются работы нескольких переводчиков, сделанные в период с 1972 по 2005 гг. В статье анализируются приемы, использованные при переводе квазитекста. Наиболее продуктивным приемом является замена.

Ключевые слова: квазитекст, переводческая проблема, Льюис Кэрролл, переводческие приемы, «Алиса в Стране чудес».

Abstract. In the article the author is considering the interpretation of the quasitext on the material of the work "Alice in Wonderland" by Lewis Carroll. We are speaking about the quasitext as far as relations within the text are concerned: logical, grammatical, lexical. Quasitext is a translational difficulty as a translator is to not only render the essence close to the original, but also to convey the message by the author. The article focuses on several translations made during the period of 1972-2005. Translational devices used in the works are analyzed. The most productive device is replacement.

Key words: quasitext, translational difficulty, Lewis Carroll, translational devices, «Alice in Wonderland».

В современных исследованиях за отправную точку изучения принимаются различные аспекты такого сложного явления, как текст. Текст исследуется в следующих аспектах: в *психолингвистическом* (В.П. Белянин, А.А. Залевская, В.Г. Гак); в *жанровом* (М.М. Бахтин, Н.С. Бабенко, Ю.А. Васильев); в аспекте *текста и перевода* (Л.С. Бархударов, Н.Л. Галеева, К. Райс); в аспекте *внутренних характеристик текста, его связности и цельности* (А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Б.А. Маслов); в *концептуальном* аспекте (В.В. Красных); в *коммуникативном* аспекте (А.Д. Швейцер, Г.В. Колшанский); в *семиотическом* аспекте (Ю.М. Лотман) и т. д.

Мы рассматриваем текст в аспекте его *внутренних характеристик*, поскольку **квазитекст** оперирует, в первую очередь, такими понятиями, как *связность, цельность, грамматическая, лексическая наполненность текста*. Итак, обратимся к тексту – объекту перевода – и проанализируем квазитекст как переводческую проблему.

Объектом данного исследования являются переводы квазитекста с английского языка на русский на материале «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла. В первую очередь, приведём определение *квазитекста*. В трактовке И.Р. Гальперина, *текст* – это «произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия и ряда особых единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3, 18]. *Квазитекст* отвечает всем требованиям

* © Редкозубова А.Н.

текста, за исключением объединяющих связей, то есть в квазитексте может быть нарушена как одна, так и две, и более связей. Примером квазитекста может служить известная фраза Л.В. Щербы «ГЛОКАЯ КУЗДРА ШТЕКО БУДЛАНУЛА БОКРА И КУДРЯЧИТ БОКРЕНКА» [10, 120]. Мы можем чётко разграничить и классифицировать части речи в данной фразе. Так, «глокая» – это имя прилагательное, согласующееся с именем существительным «куздра» в форме женского рода единственного числа именительного падежа. «Штеко» – наречие образа действия, характеризующее действие, выраженное, в свою очередь, глаголом совершенного вида прошедшего времени «будланула». «Кудрячит» также представляется глаголом, но настоящего времени и несовершенного вида. «Бокра» и «бокренка» выступают одушевленными именами существительными мужского рода второго склонения в форме винительного падежа. Однако ни один толковый словарь русского языка не даёт определения ни одной из вышперечисленных единиц. Таким образом, при полном совпадении грамматических форм с категориальными формами русского языка частично нарушаются семантические связи. Подобное нарушение связей мы и называем квазитекстом.

Мы говорим о квазитекстах различных типов, наблюдая изменения и нарушения связей на разных уровнях языковой системы. Фонетический, грамматический, лексический уровни языковой системы существуют во всех языках. Отличия в структуре этих уровней не раз обсуждались в лингвистике с точки зрения их открытости или закрытости, проницаемости или непроницаемости, а также возможности их безграничного пополнения. Различные качества и свойства этих уровней языка сказываются как в процессе исторического развития, так и в процессе контактирования языков. В свете вышесказанного стоит отметить, что квазитекст любого из типов в «чистом» виде наблюдается довольно редко, чаще всего мы имеем дело со смешанными типами. В таких случаях нарушение лексических связей влечёт за собой изменения в стилистическом плане, либо изменение логической структуры текста и т. д. В настоящей работе мы рассмотрим, как переводчики решают вопрос передачи квази-

текста с английского языка на русский на примере произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». Как уже говорилось ранее, мы наблюдаем квазитексты лексического, грамматического и логического типов.

С начала XX в. в России было сделано огромное количество переводов «Алисы в Стране чудес». Исследователи говорят о четырнадцати переводах «Алисы», но вряд ли могут быть учтены все, поскольку в настоящее время «Алису в Стране чудес» активно переводят любители: тексты Кэрролла, наряду с сонетами Шекспира, в России издавна служат своеобразным «полигоном» для переводческих упражнений. Среди широко известных и наиболее удачных называют переводы «Алисы», выполненные переводчиками В. Набоковым, Б. Заходером, Н. Демуровой, Л. Яхниным, Ю. Нестеренко, А. Кононенко, Н. Стариковым. Следует отметить, что категоризация текста Л. Яхнина как «перевода» вызывает сомнения. Сам переводчик называет свой текст «переводом-пересказом». Его пересказ демонстрирует знакомство с содержанием «Алисы», но не передаёт особенностей кэрролловского языка и стиля. Таким образом, мы рассматриваем перевод Л. Яхнина как своеобразную интерпретацию «Алисы», поскольку у него присутствует своё видение кэрролловского сюжета, и его выбор переводческих приёмов представляет для нас интерес с точки зрения перевода квазитекста. Интерпретация «Алисы» Владимира Набокова также более известна как перевод-пересказ. Переводчик меняет даже имя главной героини на более распространённое в России «Аня».

Юрий Нестеренко отмечает немалую сложность, которую представляет собой перевод «Алисы в Стране чудес», указывая на большие различия в текстах переводов и оригинала. По его словам, переводчики позволили себе вольное обращение с авторским текстом. Целью Нестеренко было сделать как можно более точный перевод с учетом межъязыковых различий. Особое внимание переводчик уделяет передаче стихов и игре слов [13].

Нестеренко взял себе за правило сохранять авторский вариант каламбуров хотя бы частично. При переводе лексем, на которых строится игра слов, из пары омонимов он точно переводит один, а второй подбирает по фонетичес-

кому сходству, или подставляет другую пару, но при этом сходную по смыслу с английским оригиналом. При переводе стихов Нестеренко избирает иной подход, чем это делали переводчики до него. Почти все стихотворные тексты в книге – это пародии на стихи и песни, хорошо известные читателям Кэрролла, но в наше время, как правило, основательно забытые даже на родине автора и неизвестные русскоязычному читателю. Одни переводчики для передачи комического эффекта создают пародию на основе известных русских стихов, другие переводят близко к оригиналу – при этом читающему на русском языке часто становится непонятна «соль» шуток. Нестеренко старается, по возможности, точно перевести все стихи Кэрролла, а также все тексты, которые пародировал автор, и приводит их в примечаниях.

М. Блехман, говоря о своём переводе «Алисы в Стране чудес», отмечает: «Язык для меня – самодостаточная ценность, а в литературе едва ли не главное – стиль» [6, 15]. Блехман подошёл к переводу «Алисы» с новых позиций, так, как Алису ещё не переводили. Его перевод – «рассказ от лица девочки, причём викторианской», где «викторианская» значит «нормальная»: «умненькая, хитренькая, смешливая и с громадным чувством юмора», для которой играть в слова, перекручивать, переделывать – просто величайшее наслаждение [6, 16]. Поэтому перевод представляет собой пересказ; по словам переводчика, перевод, над которым бы хохотали нормальные – то есть викторианские – девочки, сделать невозможно. Так, переводчик интерпретирует слова Кэрролла следующим образом: «Алиске нечего было делать, день был ленивый, и ей постепенно начало хотеться спать». Блехман настаивает на варианте «начало хотеться», поскольку любая девочка поймёт эти слова, а взрослый сказал бы просто – «захотелось спать». Пересказывая драку двух ёжиков, переводчик предлагает вариант «додрались» вместо «закончили драться», и вместо «Дину напушу на вас, мелюзгу» – «*Динишу...*», – не секрет, что так маленькие дети стремятся показать, что их защитник сильнее. Перевод-пересказ Блехмана интересен нам с точки зрения передачи квазитекста, поскольку переводчик изначально не предпринимает попытки максимально точно следовать тексту оригинала.

Наиболее часто переиздаются переводы Н.М. Демуровой и Б. Заходера, который называет свою работу пересказом. Наиболее строгим академическим переводом считается перевод Н.М. Демуровой.

Мы сравним переводы, выполненные Ниной Михайловной Демуровой, Борисом Заходером, Владимиром Набоковым, Андреем Кононенко, Юрием Нестеренко, Николаем Стариловым, Леонидом Яхниным и Михаилом Блехманом, рассмотрим, как каждый из переводчиков решил проблему передачи квазитекста на русский язык, и попытаемся проанализировать, какие из переводческих приёмов явились наиболее продуктивными.

В третьей главе «Алисы» мы встречаем квазитекст смешанного – лексическо-логического типа – *antipathies*. С точки зрения лексических связей, данная лексема вступает в противоречие с окружающим текстом, нарушена семантическая связность текста. В то же время, по словам Кононенко, «слова звучали как-то неуместно», логическая связность текста нарушается. Демурова прибегает к буквальному переводу «антипатии», этот же перевод мы находим у Набокова и Нестеренко. Заходер изобретает собственное слово – неологизм «антипятики», несомненно, вариант очень удачный с точки зрения производимого комического эффекта. Кононенко предлагает соответствие «антипод». Однако, поскольку именно это слово и имела в виду Алиса, переводчику приходится использовать приём дополнения, чтобы объяснить опосредованно смысл кэрролловской шутки. Предложенный Стариловым аналог «антипаты» также можно считать удачным, поскольку комический эффект сохраняется и переводчику не приходится вдаваться в дополнительные объяснения. Стоит обратить особое внимание на следующие переводы – «анти-под-нами» Яхнина и «перевёртыши» Блехмана. Если первый переводчик обращается к квазитексту лексического типа уже на русском языке, сохраняя связь с изначальным текстом, то последний, используя приём лексической замены, эту связь утрачивает.

Do cats eat bats? Do bats eat cats?

Данный пример логического квазитекста мы встречаем в главе, когда Алиса начинает засыпать, и мысли её путаются. Наиболее извест-

тный перевод принадлежит Демуровой: «Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?». Переводчице удаётся сохранить и логическое несоответствие, и сходство слов, характерные для оригинала. В пересказе Заходера – «Скушает кошка летучую мышку? Скушает мышка летучую кошку?» – использован приём дополнения (лексемы «летучая» (кошка / мошка) нет в оригинале), вполне оправданный в данном случае. Набоков также прибегает к дополнению: «Да вот едят ли кошки летучих мышей? Если нет, почему же они по крышам бродят? (Тут Аня стала впадать в дремоту и продолжала повторять сонно и смутно) Кошки на крыше, летучие мыши... А потом слова путались и вышло что-то несуразное: летучие кошки, мыши на крыше...» Стремясь сохранить лексический компонент – *летучие мыши* – он также использует замену. На наш взгляд, теряется лёгкость слога, присущая Кэрролла, и комический эффект пропадает. Переводы, выполненные Кононенко, Стариловым и Нестеренко, довольно похожи: «Едят ли кошки летучих мышек? Едят ли мышки летучих кошек?»; «Едят ли кошки летучих мышей? Едят ли летучие мыши кошек?»; «Едят ли кошки летучих мышек? Едят ли мышки летучих кошек?». Они буквально переводят авторскую игру слов, лишь частично изменив форму «мышы» на «мышки». Яхнин прибегает к приёму замены: «Мыши летучие. Мыши ли, тучи ли... Летят ли тучи кошек? Едят ли кошки тучек?». Подобным образом поступает и Блехман: «Кошки-мышки...Мышки-кошки...», используя известное сочетание и транслируя тем самым игру слов на русский язык.

If you drink much from a bottle marked "poison" it is almost certain to disagree with you, sooner or later.

С точки зрения перевода нам интересен квазитекст *to disagree with you* – «причинять вред», «вызывать расстройство», вступающий в логическое противоречие с окружающим текстом. Перевод Демуровой: «Если разом осушить пузырек с пометкой "Яд!", рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание». Мы считаем вариант эквивалентным тексту оригинала. У Заходера мы находим приём добавления – «... на которой нарисованы череп и кости...». Вероятно, добавление продиктовано попыткой создать более эмоциональный образ, что пере-

водчику удалось, так как образ довольно яркий и знаком русскому читателю. С другой стороны, необходимость добавления в данном примере кажется несколько сомнительной, кроме того, искажается текст оригинала: «Если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано "Яд!", то почти наверняка тебе не поздоровится». Перевод квазитекста также вызывает вопросы. В русском языке оборот «тебе не поздоровится» имеет ещё и несколько угрожающий характер, чего нет в английском языке. Перевод Набокова: «Если глотнешь из бутылочки, помеченной "яд", то рано или поздно почувствуешь себя неважно» – на наш взгляд, вполне удачный. Интересна с точки зрения перевода квазитекста работа Кононенко: «Если выпить из бутылки с пометкой "ЯД", то рано или поздно тебе сделается плохо». На наш взгляд, в этом случае теряется комический эффект, так как «станет плохо» – ожидаемый результат принятия яда. У Кэрролла же предполагается, что плохо станет с пищеварением, то есть последствия не столь уж страшные. Именно несоответствие действия и его результата дают почувствовать лёгкую насмешку автора над героиней, авторскую иронию. В варианте Кононенко замена влечёт снижение комического эффекта.

Нестеренко старается сохранить близость к тексту оригинала: «Если выпить слишком много из пузырька с надписью "Яд", то почти наверняка, рано или поздно, почувствуешь недомогание», однако сам перевод от этого страдает. Создаётся ощущение, что текст «перегружен», структура его сложна для восприятия, хотя с точки зрения комического эффекта перевод адекватный. Элемент квазитекста «почувствуешь недомогание» можно отнести к хорошему варианту перевода.

В трактовке Старилова отрывок звучит так: «Если выпить слишком много из пузырька, на котором написано "яд", почти наверняка вам это не доставит удовольствия». Перевод несколько неточен, вариант «не доставит удовольствия» вряд ли можно считать удачной находкой переводчика. То же самое можно сказать и об интерпретации Яхнина: «Но самое ужасное приключалось с теми, кто пытался отхлебнуть из флакончика с надписью "ЯД". Такое ещё никого и ни к чему хорошему не приводило». Об-

ращает на себя внимание перевод Блехмана: «И ещё она крепко-накрепко запомнила: если напиться из бутылки, на которой написано “Яд”, то чего доброго разболится живот». Если мы вспомним позицию переводчика - создать пересказ, «над которым бы хохотали нормальные девчонки» [3, 15] – становится понятно, чем продиктован выбор переводчиком разговорного стиля изложения. О переводе квазитекста мы можем сказать, что он вполне удачен, хотя и непривычен для читателя.

Обратимся к названию второй главы – «The pool of tears». Здесь мы имеем дело с лексическим вариантом квазитекста. Налицо нарушение привычной сочетаемости слов – *pool of tears* вместо *ocean / floods of tears*. Подобное переосмысление позволяет «другими глазами» взглянуть на сочетание, увидеть вместо условного «море слёз», «потоки слёз» – действительно, целый водоём, который наполнила слезами «большая» Алиса (как мы помним, она существенно выросла, съев пирожок). Учитывая тот факт, что в дальнейшем в этом водоёме пришлось искупаться другим участникам приключений, замена представляется нам вполне оправданной. Посмотрим, как решили эту задачу переводчики. В интерпретации Демуровой – «море слёз». В свете вышесказанного этот вариант не кажется нам удачным, поскольку «море слёз» в русском языке уже воспринимается метафорично. Заходер даёт второй главе название «глава, в которой Алиса купается в слезах». Переводчик попытался решить задачу, прибегнув к описательному переводу, то есть фактически передавая содержание главы. Вероятно, такой вариант не полностью передаёт замысел автора – шутливость или лёгкую насмешку над героиней. Набоков прибегает к опущению, полностью меняя авторский текст – «Глава 2. Продолжение». Варианты других переводчиков: «море слёз» – Кононенко и Блехмана, «озеро слёз» – Нестеренко – различаются несущественно. Переводчики сохраняют метафоричность в ущерб авторской иронии. Примечательна интерпретация Старилова – «лужа слёз». С одной стороны, это словосочетание не имеет метафорического значения и воспринимается буквально, что и требуется в конкретном примере. С другой стороны, появляется неодобрительный оттенок (сравним *озеро и*

лужа). В такой ситуации «наплаканное море» Яхнина отвечает всем требованиям и может считаться наиболее приемлемым.

Следующий пример квазитекста – *Curiouser and curiouser!* – мы относим к грамматической его разновидности. В этом примере мы наблюдаем нарушение грамматических норм английского языка, а именно правил образования сравнительной степени имён прилагательных. Автор использует квазитекст, чтобы передать растерянность и волнение Алисы. Обратимся к переводам:

- Демурова: «Все страньше и страньше»;
- Заходер: «Все чудесится и чудесится»;
- Набоков: «Чем дальше, тем страньше»;
- Кононенко: «Чем дальше, тем хуже и хуже»;
- Нестеренко: «Все страньше и страньше»;
- Стариков: «Страннее! Страннее!»;
- Яхнин: «Ой, значиналось! Опять значиналось!»;
- Блехман: «Вот так чудо! – воскликнула Алиса. – Не чудо, а чудище!»;

Из всех переводов самым приемлемым нам кажется вариант Н.М. Демуровой и Ю. Нестеренко. Форма «страньше» по своему словообразованию соответствует формам образования сравнительной степени прилагательных в русском языке (сравните: *больше, меньше, дальше* и пр.), хотя и не существует на практике (правильно – *страннее*). Так же образовал форму «*curiouser*» Льюис Кэрролл, использовав продуктивный суффикс «er». Вариант, предложенный Заходером, не кажется удачным. Лексема «чудится», от которой, по-видимому, образована форма «чудесится», не часто употребляется в современном русском языке, и понимание читателем переводческой находки будет затруднено. Остальные переводы – «дальше», «страннее», «хуже», «значиналось», «не чудо, а чудище» – представляются чрезмерно надуманными и лишают повествование свойственной ему лёгкости.

Her first idea was that she had somehow fallen into the sea, 'and in that case I can go back by railway,' she said to herself.

Мы относим данный случай к КТ смешанного типа, с нарушением лексической и логической связи между частями. Логически из предположения Алисы, что она оказалась на море,

не следует, что она может добраться домой на поезде, и союзная конструкция «in that case» (в таком случае) доказывает нам это. Мы можем зафиксировать нарушение лексической связи, так как первая часть – о море – и вторая часть – о поезде – не связаны между собой лексическими средствами. Кроме того, автор указывает на неразличение героиней понятий «в море» (в воде) и «на море» (на побережье). Демурова предлагает следующий перевод: «Сначала она подумала, что каким-то образом упала в море. – В таком случае, – подумала она, – можно уехать по железной дороге». У Заходера мы находим такой вариант: «В первую минуту, нечаянно хлебнув соленой водицы, она было решила, что упала в море. – Тогда ничего, я поеду домой в поезде! – обрадовалась она». Набоков передает этот отрывок так: «Её первой мыслью было, что она каким-то образом попала в море. “В таком случае, – сказала она про себя, – я просто могу вернуться домой поездом». У Кононенко: «Сперва она подумала, что каким-то чудом очутилась в море. – Неужели хоть в этом повезло? – сказала Алиса, отфыркиваясь. – Если так, то домой я вернусь поездом». У Нестеренко: «В первый момент она решила, что упала в море, значит, я смогу вернуться домой по железной дороге, – сказала она себе». У Старилова: «Первой мыслью, посетившей ее голову, было то, что она каким-то образом свалилась в море. – Поэтому я смогу вернуться домой по железной дороге, – сказала она самой себе». У Блехмана: «Сначала она подумала, что упала в море. Тогда обратно доберёмся поездом, – решила она». В целом, мы отметим, что все переводчики предпочли передать отрывок близко к оригиналу. Особняком стоит Яхнин: «– Море! – догадалась Алиса и опять обрадовалась. От моря проще простого добраться до дома на поезде». В его переводе отсутствует оттенок иронии, присущий оригиналу.

So she began: «O Mouse, do you know the way out of this pool?»

Здесь мы имеем дело с квазитекстом грамматического вида, поскольку в современном английском языке нет звательного падежа. Рассмотрим, как реализовали это несоответствие переводчики на русском языке.

– Демурова: «О Мышь! Не знаете ли вы, как выбраться из этой лужи?»;

– Заходер: «О Мышь! – сказала Алиса. – Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться?»;

– Набоков: «О, Мышь, знаете ли вы, как можно выбраться отсюда?»;

– Кононенко: «О Мыши, приветствую вас! Не обладаете ли вы познаниями о том, как выбраться на сушу?»;

– Нестеренко: «О Мышь, не знаете ли вы, как выбраться из этого озера?»;

– Старилов: «О, Мышь! Знаете ли вы путь, выводящий из лужи?»;

– Яхнин: «– О, мышь! Не подскажете ли, как мне выплыть на берег?»;

– Блехман: «– О Мышь! – сказала она. – Не знаете ли вы, как выбраться из этой лужи?».

Мы можем заключить, что все переводы достаточно сходны как по результату, так и по использованному приёму.

Проанализировав представленные языковые варианты, мы можем заключить, что наиболее распространённым типом квазитекста, встречающимся в произведении Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес», является квазитекст логического типа. Подтверждением этому служит тот факт, что текст насыщен каламбурами, они же часто строятся на основе квазитекста. Переводчики при передаче квазитекста используют такие переводческие трансформации, как *замена* и *дополнение*. Среди рассмотренных здесь случаев нам встретились примеры с *опущениями*. Иногда переводчики прибегают к *буквальному переводу*, сочетая его с *частичной заменой*. Таким образом, мы заключаем, что наиболее продуктивным приёмом при переводе квазитекста может считаться *замена* исходного варианта на соответствие в русском языке с сохранением комического эффекта при максимальной приближенности к оригиналу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь / Под ред. В.Д.Аракина. М.: Русский язык, 1980. 808 с.
2. Белякова Е. И. Translating from English: Переводим с английского / Материалы для семинарских и практических занятий по теории и практике перевода (с английского на русский). СПб.: КАРО, 2003. 160 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.
4. Набоков В.В. Аня в Стране Чудес. М.: Советский композитор, 1991. 80 с.

5. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993. 2496 с.
6. Приключения Алисы в Стране Чудес, или Странствие в Странную Страну / Пересказ М.С. Блехмана. Харьков-Монреаль, 2005. 88 с.
7. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод Б. Заходера. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. 176 с.
8. Приключения Алисы в Стране Чудес / Пересказ Л. Яхнина // Пионер. М.: Правда, 1991. № 1. С. 3-15; № 2. С. 3-15; №3. С.5-16.
9. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Перевод и послесловие Н.М. Де-муровой. София: Издательство литературы на иностранных языках. 1967. 226 с.
10. Успенский Л.В. Слово о словах / Почему не иначе. Л.: Детская литература, 1971. 720 с.
11. Carroll Lewis. Alice in Wonderland and Through the Looking-Glass. Kent: Wordsworth Classic, 1993. 264 с.
12. http://lib.ru/CARROLL/alisa_kononenko.txt (дата обращения: 22.11.2010).
13. http://lib.ru/CARROLL/alisa_yun.txt (дата обращения: 22.11.2010).
14. http://lib.ru/CARROLL/alisa_star.txt (дата обращения: 22.11.2010).

УДК 801.8

Самарин А.В.

Воронежского государственного университета (Старооскольский филиал)

**ЗАВИСИМОСТЬ СТЕПЕНИ ОБРАЗНОСТИ КОНЦЕПТА
«НАСЕКОМОЕ» ОТ ОПИСЫВАЮЩИХ ЕГО КОГНИТИВНЫХ
КЛАССИФИКАТОРОВ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
КОНЦЕПТОСФЕРАХ***

A. Samarin

Stary Oskol branch of Voronezh State University

**THE DEPENDENCE OF THE DEGREE OF FIGURATIVENESS
OF THE CONCEPT "INSECT" ON COGNITIVE QUALIFIERS DESCRIBING
IT IN RUSSIAN AND ENGLISH CONCEPT SPHERES**

Аннотация. В настоящей статье автор представляет ряд когнитивных классификаторов, лежащих в основе описания русского и английского концепта-схемы «насекомое». Степень образности рассматриваемого концепта пропорциональна степени корректности использования описывающих его когнитивных классификаторов (с точки зрения носителей языка). Анализ русских и английских словарных дефиниций показывает, что отсутствующие в них дополнительные когнитивные признаки, «прорисовывающие» концепт-схему «насекомое» в сознании человека, как правило, выявляются в текстах, содержащих в себе гораздо больше информации, нежели словари.

Ключевые слова: категоризация, концепт-схема, концептосфера, когнитивный классификатор, степень образности концепта, зооним.

Abstract. The author has represented a number of cognitive qualifiers underlying the description of Russian and English concept "insect" in the article. The degree of figurativeness of the considered concept is proportional to the degree of the correct usage of cognitive qualifiers which describe it (as viewed by native speakers). The analysis of Russian and English lexicographic definitions has shown that some additional missing cognitive attributes "tracing" the concept-scheme of "insect" in human mind, normally come to light in texts that contain much more information than dictionaries do.

Key words: categorization, concept-scheme, concept sphere, cognitive qualifier, degree of figurativeness, zoonym.

* © Самарин А.В.